

УДК 82.09

ББК 80/84

Ч - 88

Чукуева Замира Нажиудиновна, преподаватель Грозненского пединститута, т.: 8(9298)917446.

ИСПОВЕДЬ ДУШИ КАК ДОКУМЕНТ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ

(рецензирована)

В статье поставлены сложные теоретические вопросы психологизма в художественной прозе, исследуются особенности взаимодействия в сюжете произведения исповеди личности, ее писем, размышлений, которые рассматриваются автором как реальные документы. Прослежены в статье линии развития психологизма в литературе по основным этапам ее истории.

Ключевые слова: *психологизм, исповедь, документ, эволюция, роман, письмо, жанр, сюжет, познание художественное.*

Chukueva Zamira Nazhiudinovna, lecturer of Grozny Pedagogical Institute, tel.:8 (9298) 917 446.

CONFESSION OF THE SOUL AS A DOCUMENT IN PSYCHOLOGICAL PROSE

(reviewed)

The article raised complex theoretical problems of psychology in fiction, features of the interaction in the plot of work of confession of a person, its letters, reflections, which are considered by the author as real documents have been investigated. The lines of the development of psychology in literature on the main stages of its history have been traced.

Keywords: *psychology, confession, document, evolution, novel, letter, genre, theme, artistic knowledge.*

Собственного максимума психологизм достиг в произведениях Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского, которые раскрыли так называемую «диалектику души». В их произведениях с необычной всесторонностью и непосредственностью показаны ходы размышлений, линии эмоций и стремления личности, их слияния и пересечения, иногда весьма замысловатые.

Оттого, насколько достоверно автор изобразит человеческие чувства, зависит, сочтет читатель книгу правдивой или нет. «Психологизм Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского - это художественное выражение пристального интереса к текучести сознания, к всевозможным сдвигам во внутренней жизни человека, к глубинным пластам его личности. Освоение самосознания и «диалектики души» - одно из замечательных открытий в области литературного творчества» [1, с. 209].

Писатель может стремиться к любой теме, обладая лишь необходимым минимумом фактов, - читателю важнее достоверность психологическая. Если авторы предлагают достаточно реалистическое описание человеческого поведения, его произведения будут иллюстрировать эволюционную психологию. Внутри себя личность возводит собственную жизнь (мыслит, чувствует, поступает) по намерениям, реализуя вещные и смысловые роли, на которые сориентирована ее жизнь.

Проза Василя Быкова или Виктора Астафьева при всей строгости и даже безжалостности, с которой писатели не опасаются затронуть наиболее злободневные, больные места жизни личности, выглядит глубоко человеколюбивой. В. Астафьев излагает свои наблюдения словно бы накануне Апокалипсиса, будто поторапливаясь выбросить то, чего никто до него не говорил, чего никто не затрагивал, что с ним, не дай бог, уйдет, пропадет, исчезнет. Никакой благостности, никаких «клеяких зеленых листочков», даже никакой вымеренности, взвешенности: только жуткая правда, обжигающая, обнаженная.

А Василь Быков, напротив, усложняет и отягощает это бытие. От прогрессирующего туберкулеза, подхваченного на войне, болезни, до которой никому не было дела, после войны умирает тот, кто по-настоящему, собой, защитил страну, - рядовой Данила Солодовников; от неведомой болезни, вызванной тяжелейшими жизненными условиями и бездомьем, - умирает и маленький сын его.

Говорил об этой обреченности М. Бахтин: «Эта судьба не упорядочивает нашу жизнь для нас самих всю сплошь в необходимое и художественное целое, а, скорее, имеет чисто отрицательную функцию расстраивать нашу жизнь, которая упорядочивается или, вернее, стремится быть упорядоченной целями, смысловыми и предметными значимостями» [1, с. 153]. Это страстное, трепещущее сопряжение жалости к тем, кто защитил отечество, но теперь не может защитить себя от него, и ненависти к мерзавцам; это крик боли от сознания чудовищности произошедшего с

миллионами безжалостно брошенных в мясорубку, убитых и в бою, и мирным временем. Здесь на первый план выдвинулись душевные состояния людей. Человечность рассказа в том, что за трагедией Данилы Солодовникова и его семьи, очень личной, абсолютно понятной, встает трагедия чуть ли не всего потерянного (но куда более потерянного, нежели у Ремарка) поколения.

Психологизм активизировался во второй половине XVIII в. Изучая содержание текстов, мы должны учитывать, каким образом личные и культурные факторы воздействуют на изображение человеческого поведения. Это сказалось в ряде произведений писателей сен-тименталистской ориентации: «Юлия, или Новая Элоиза» Ж.Ж. Руссо, «Сентиментальное путешествие по Франции и Италии» Л.Стерна, «Страдания юного Вертера» И.В. Гете, «Бедная Лиза» и другие повести Н.М. Карамзина. К возвышенно трагическим, нередко иррациональным переживаниям человека приковывала внимание литература романтизма: повести Э.Т.А. Гофмана, поэмы и драмы Д.Г. Байрона.

Через героя литература познавала среду, личностные и общественные отношения, семью, быт, обычное, естественное течение жизни. Эта традиция сентиментализма и романтизма была подхвачена и развита писателями-реалистами XIX в. (Во Франции – О. де Бальзак, Стендаль, Г. Флобер, в России - М.Ю. Лермонтов, И.С. Тургенев, И.А. Гончаров). Они воспроизводили сложные умонастроения героев, порой конфликтно сталкивавшиеся между собой. По словам Л.В. Карельского, упрочение психологизма было обусловлено пристальным интересом писателей к «неоднозначности обыкновенного, «негероического» характера», к персонажам многогранным, «мерцающим», а также с доверием авторов к читательской способности самостоятельного нравственного суждения» [2, с.215, 235]. Внимание к сложности внутреннего мира человека, к переплетению разнообразных умонастроений и импульсов, к перемене душевных состояний укрепилось на протяжении последних трех-четырех столетий. Живописное доказательство тому - трагедии У. Шекспира с характерным в них сложным и нередко загадочным психологическим рисунком, в наибольшей степени - «Гамлет» и «Король Лир». Например, сентиментальный идеализм, цинизм, утопическое воображение и другие виды психологической идиосинкразии влияют на то, как будут описаны различные виды поведения в том или ином сюжете.

Начиная с рубежа XVIII-XIX столетий жизненно-психологические ситуации стали широко запечатлеваться европейской литературой, а позже - и писателями иных регионов (преддверием этого сдвига в художественной сфере явилась трагедия шекспировского Гамлета). Знаменательна повесть И.В. Гете «Страдания юного Вертера». Взаимодействие эпистолярного жанра с прозой многофункционально и отражается здесь на разных уровнях системы текста. Сосредоточенный на своих переживаниях («У меня столько хлопот с самим собой <...>, что мне мало дела до других»), Вертер называет собственное сердце своей единственной гордостью, жаждет умиротворить свою «алчущую, мятущуюся душу» (хотя бы в излияниях, адресованных другу в письмах).

Во-первых, письма, содержащие описания прошедших событий, участвуют в создании мемуарного сюжета, часто образуя самостоятельный микросюжет. Во-вторых, привлечение в мемуарный текст писем персонажей позволяет автору избежать резко субъективных оценок людей и событий, когда включенные в эпистолярный текст характеристики способствуют более глубокому осмыслению психологического портрета героев. Главный герой у Гете убежден, что ему «много дано», и неустанно мудрствует над своими страданиями неразделенной любви. Вертер - это фигура, опоэтизированная автором (хотя поданная им в немалой мере критически) и вызывающая прежде всего симпатию и сострадание. В-третьих, цитируемые авторами письма могут воздействовать на монологическую речь повествователя, превращая ее в диалог, ввергая автора в полемику со своими адресатами. В-четвертых, письма, введенные в изложение, - это не только подлинные свидетельства о фактах прошедшей жизни, но и хранители образов «героев своего времени».

Русские писатели XIX в. более строги к собственным рефлектирующим героям, нежели Гете к Вертеру. Суд над полностью сконцентрированным на себе человеком (нрав которого правомерно возвести к мифу о Нарциссе) и над его уединенной и безнадежной рефлексией являет собой один из лейтмотивов русской «послеромантической» литературы. Он звучит у М.Ю. Лермонтова («Герой нашего времени»), И.С. Тургенева («Дневник лишнего человека», «Гамлет Щигровского уезда», отчасти - «Рудин»), в какой-то мере у Л.Н. Толстого (ряд эпизодов повестей «Отрочество» и «Казачьи дети»), И.А.Гончарова (образы Адуева-младшего,) в немалой степени Райского). Интенсивное становление и широкое упрочение психологизма в

литературе XIX-XX вв. имеет глубокие культурно-исторические предпосылки. Оно связано прежде всего с активизацией самосознания человека Нового времени.

Современная философия различает сознание, «которое само себя осуществляет», и «сознание, изучающее себя» (Рикер П. Конфликт интерпретаций: Очерки о герменевтике. М., 1995. С. 339). Последнее и именуют самосознанием. Самосознание реализуется главным образом в виде рефлексии, составляющей «акт возвращения к себе». Вместе с тем неотъемлемым, универсальным свойством человеческой жизни является «примат сознания о чем-то над самопознанием» (Рикер П. Герменевтика. Этика. Политика: Московские лекции и интервью. М., 1995. С. 78), а потому рефлексии подобает знать свои границы и иметь определенные рамки. Активизация и нарастание рефлексии у людей Нового времени связаны с небывало острым переживанием разлада человека с самим собой и всем окружающим, а то и тотальным отчуждением от него.

Существуют различные формы психологизма. Чувственное восприятие требует подтверждения в словесной сфере. Ф.М. Достоевскому и Л.Н.Толстому, в наш век - М.А. Шолохову и У. Фолкнеру присущ психологизм явный, открытый, «демонстративный». Недоверие к слуху интерпретирует мотив неверующих глаз, что репрезентирует текстовую память о метафизическом неумении прочитывать знаки судьбы. Вместе с тем писатели XIX-XX вв. опираются и на иной способ освоения внутреннего мира человека. Подобное соответствие, замещение сюжетных моментов указывает на синтез способов изложения и познания, объединенных в символической экспрессии сцены, столь необходимой для установления конвенции частного и приоритетного для культуры. Знаменательны слова И.С. Тургенева о том, что художнику слова подобает быть «тайным» психологом. И для ряда эпизодов его произведений характерны недоговоренность и недомолвки. «Что подумали, что почувствовали оба? - говорится о последней встрече Лаврецкого и Лизы. - Кто узнает? Кто скажет? Есть такие мгновения в жизни, такие чувства... На них можно только указать - и пройти мимо». Так завершается роман «Дворянское гнездо».

Скрытый, «подтекстовый» психологизм, когда позывы и эмоции персонажей только отгадываются, доминирует в повестях, рассказах и драмах А.П. Чехова, где о волнениях героев обыкновенно упоминается мельком и мимолетно. Так, Гуров, приехавший в город С., чтобы встретиться с Анной Сергеевной («Дама с собачкой»),

видит у ворот дома ее белого шпица. Он, читаем мы, «хотел позвать собаку, но у него вдруг забилось сердце, и он от волнения не мог вспомнить, как зовут шпица». Эти две небольших, казалось бы, детали - затрепыхалось сердце и не удалось вспомнить прозвище пса - по воле А.П. Чехова попадают в признаки крупного и основательного чувства персонажа, перелиставшего свою жизнь. Психологизм аналогичного рода сообщил о себе не только «в художественной прозе XX в. (И.А. Бунин, М.М. Пришвин, М. Пруст), но и в лирической поэзии, более всего - в стихах И.Ф. Анненского и А.А. Ахматовой, где самые обыденные впечатления пронизаны душевными излучениями» [3, с 244].

Психологизм в литературе XIX-XX вв. стал достоянием едва ли не всех существующих жанров. Но с максимальной полнотой сказался он в социально-психологическом романе. Весьма благоприятны для психологизма, во-первых, эпистолярная форма («Юлия, или Новая Элоиза» Ж.Ж. Руссо, «Опасные связи» Ш. де Лакло, «Бедные люди» Ф.М. Достоевского), во-вторых, автобиографическое (порой дневниковое) повествование от первого лица («Исповедь» Ж.Ж. Руссо, «Исповедь сына века» А. де Мюссе, «Дневник обольстителя» С. Киркегора, ранняя трилогия Л.Н. Толстого). Исповедальное начало живет и в произведениях Ф.М. Достоевского. Напомним исповеди Ипполита в романе «Идиот» и Ставрогина (глава «У Тихона», не вошедшая в окончательный текст «Бесов»), ряд эпизодов «Братьев Карамазовых», например посвященная Мите глава «Исповедь горячего сердца». И, наконец, в-третьих, принципы психологизма сполна осуществляются в форме романного повествования от третьего лица, обладающего даром всеведения, которое простирается в глубины человеческих душ. Таковы центральные произведения Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского, в наш век - Т. Манна (в особенности - «Волшебная гора»).

Радикальным неприятием психологизма были отмечены советские 20-е годы. Пафос коммунизма, писал А.В. Луначарский (1920), выражается в том, что личность «готова зачеркнуть себя ради победы передового класса человеческого рода» [4, с.130]. В эту пору неоднократно говорилось, что «апсихологизм», заключающийся в воссоздании вещного, материального мира, - это высший этап литературного развития. «В сей области, - сказано о психологизме в одной из статей 1927 г., - чем лучше, тем хуже. Чем сильнее психостарается пролетписатель, тем вреднее <...> И

напротив: чем «газетнее» работает писатель-монтажист, диалектически цепляя факты, тем свободнее мозги читателя от дурмана» [5].

Ориентация на отображение внутренней жизни человека пронзительно отрицалась в первые десятилетия XX в. как авангардистской эстетикой, так и марксистским литературоведением: свободно самоопределяющаяся в близкой ей реальности личность находилась под подозрением. Так, лидер итальянского футуризма Ф.Т. Маринетти призывал «полностью и окончательно освободить литературу от <...> психологии», которая, по его словам, «вычерпана до дна» [6, с.165]. В подобном же духе в 1905 г. высказался А. Белый, назвавший романы Ф.М. Достоевского «авгиевыми конюшнями психологии». Он писал: «Достоевский слишком «психолог», чтобы не возбуждать чувство брезгливости» [7, с. 198].

Однако психологизм не покинул литературу. Об этом неопровержимо свидетельствует творчество многих крупных писателей XX в. В нашей стране это М.А. Булгаков, А.П. Платонов, М.А. Шолохов, Б.Л. Пастернак, А.И. Солженицын, В.П. Астафьев, В.И. Белов, В.Г. Распутин, А.В. Вампилов, за рубежом - Т. Манн, У. Фолкнер и мн.

Новую и весьма оригинальную форму психологизм обрел в ряде литературных произведений нашего столетия. Упрочился художественный принцип, именуемый воспроизведением «потока сознания». Оно, возможно, правильно, в наиболее широком значении, то есть что и Л. Петрушевская, и Т. Толстая особо пристрастны собственно к воссозданию депрессии, одиночества и старости. Диапазон словесно-художественных средств, позволяющих напрямую запечатлеть внутренний мир человека, весьма широк. Тут как раз можно вспомнить о самой известной, своего рода программной повести «Время ночь» Л. Петрушевской, в которой тоже, как и в рассказах Т. Толстой, найдено было сострадание к обездоленным и несчастным, поскольку несчастий, обрушивающихся на всех без исключения героев, в повести хватало. Скорее всего, в жизни вообще уже не осталось бед, о которых так или иначе не упоминала бы Л. Петрушевская.

В ходе дневниковой деятельности имеют место традиционные суммирующие обозначения того, что испытывает герой (думает, чувствует) - и развернутые, порой аналитические, характеристики автором-повествователем того, что творится в душе персонажа, и несобственно-прямая речь, в которой голоса героя и повествующего

слиты воедино, и задушевные беседы персонажей (в устном общении или переписке), и их интимные дневниковые записи. Дневник запечатлевает действительность с детальной точностью и в большей степени имеет право называться историческим документом, в отличие от литературных мемуаров, признанных художественными документами эпохи. Однако дневники и воспоминания, объединяясь, не только дополняют текст информативно, но и заметно усиливают художественную значимость друг друга.

Литература:

1. Теория литературы. В 3-х т. Т.2. М., 1964. С. 209.
2. Карельский, А. От героя к человеку. М., 1990.
3. Найман, А. Рассказы об Анне Ахматовой. М., 1989.
4. Луначарский, А.В. Силуэты. М., 1965.
5. Читатель и писатель. 1927. 24 декабря.
6. Маринетти, Ф.Т. Технический манифест футуристической литературы // Назвать вещи своими именами : программные выступления мастеров западноевропейской литературы XX века. М., 1986.
7. Белый, А. Символизм как миропонимание. М., 1994.

References:

1. *Theory of Literature. In 3 vol. V. 2. M., 1964. P. 209.*
2. *Karelskiy A. From hero to the man. M., 1990.*
3. *Naiman A. Stories about Anna Akhmatova. M., 1989.*
4. *Lunacharsky A.V. Silhouettes. M., 1965.*
5. *The reader and writer. 1927. 24 December.*
6. *Marinetti F.T. Technical Manifesto of Futurist literature // To call a spade a spade: program performances of artists of the twentieth-century Western literature. M., 1986.*
7. *Beliy A. Symbolism as a world view. M., 1994.*